
Автор представлен членом Художественного совета **Ильдаром Харисовым**

Клевер белый, клевер розовый
в Палестине апельсиновой
после зимних ливней с грозами
и до зноя непосильного.

Здесь какими же ветрами он,
клевер белый, клевер розовый,
с той земли, где море травное,
острова колков березовых?

Там еще бураны снежные.
Здесь разгар весны мимозовой.
По макушкам глажу с нежностью
клевер белый, клевер розовый.

КРУЖЕВО

Тоска - это ржавчина,
ржа
внутренняя, не наружная.
Разъедаемая душа
превращается в кружево.
Кружево -
ажурный цветок,
поглощаемый его собственной сердцевинкой -
пустотой-вакуумом, первоначально - льдинкой.
Той самой. Спасибо Вам, Ганс Христиан Андерсен,
передавайте привет госпоже Мерзлоте и фройляйн Пустыне.
В моей жизни, естественно, множество радостей:
я писала уже Вам о розах, о муже, о сыне,
но ажурный цветок
разрастается, одновременно
расширяя свою сердцевину - мою пустоту.
Это так неприятно: знать, что душа брэнна!
У других, вероятно, иначе. От их потуг
совместить душу с вечностью,
переименовать свой страх
смерти,
мне уже не смешно, а больно.
Пустота - это боль, что не лечится.
Звучит Бах,
только боль, все равно.
Только боль поперек и продольно.

Блеклость жизни, близость смерти,
кукование часовен,
серебристый столбик ртути
да хронический бронхит.
Только ветер, свежий ветер
по фамилии Бетховен,
эту заводь взбаламутит,
эту залежь развихрит.

Ни награды, ни ограды.
Путь извилист, пульс неровен.
Да от мая и до мая
маета который год.
Только ливень, ливень с градом
по фамилии Бетховен
эту наледь изломает,
эту накипь уберет.

Будёная быденность будней -
в нее почему-то не вник
мой косноязычный и скудный
бумагомаратель - дневник.

Не дав, как свидетель, присяги,
он то ерундил, то немел,
то рос, будто город ПустЯков,
то полз, будто пустошь-пробел-
пустырь вдоль по речке Пусташке,
что красною нитью текла...

Будёная быденность шашкой
ежу ежедневья секла...

Дни: кроткий, смешной, забубенный, -
валились, как в яму, в пробел...
И павших назвать поименно
дневник, вероятно, робел:
немел или нес ахинею...

А в кладку фундамента строф
шло нечто иное, что не из
пустячных моих дневников.

Бор за рекой. Дрозд -
чудо, как голосист.
Сложен из бревен мост...
В толще блокнота - лист...

Только простор прост!
Сущности все сложны;
в этих: что лист, что мост, -
теплится жар сосны.

Жар загребай - грабь
всё, что в блокнот вместишь!
А по воде - рябь.
Дрозд замолчал... Тишь...

ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ

Был другом, не любовником, но снишься...
Десятый год ищу тебя в толпе...
Жаль, что во сне заводим спор о Ницше,
о гринбергах, о Гессе и т.п.

Любила и люблю без тяги плотской.
Тебе мое признание не льстит?
Ты не забыл жаргон книготорговский?
А книжный рынок в Люберцах?
Прости...

Желали мы иного коленкора,
но угодили в мерзкий бумвинил.
Пусть были споры, снятся только споры,
но мне тебя никто не заменил.